

Взгляды А.В.Суворова на прошлое настоящее и будущее

Сегодняшняя проблематика конференции предельно широкая и координальная в военной истории философии, социологии.

Сквозь призму истории, военной истории постигается практика деятельности многих поколений людей, человеческая мудрость, осуществляется эмпирическое познание тех или других процессов, их теоретическое обобщение. Последнее позволяет вычленять сознанием такие стороны, моменты прошлого, настоящего и будущего, как причинность, необходимость, законы, правила практической деятельности, превратившиеся в опыт.

А это не только основа вычленения комплексной причинности в явлениях, фактах, но и оселок их истинности. И чтобы ее постичь необходимо не только знать военный опыт, но и философски его понимать. В свое время как говорил великий немецкий философ Иммануил Кант: «История без философии слепа, а философия без истории пуста».

Отрицать эту взаимообусловленность в наше время было бы недостойно серьезного научного рассмотрения взаимовлияния и обусловленности прошлого, настоящего и будущего в военном деле, военной истории любого государства. Это понимал А.В.Суворов. Он не получил систематического военного образования в детстве. Но восполнил свой пробел самостоятельным и постоянным изучением обширной исторической литературы по военной истории, философии, постоянным умственным трудом. Его современники, встречавшиеся с ним, отмечали: «Все, что выходило из под его пера, носило печать энергии и точности». Суворова называли «Военной академией», подчеркивая, что «он проник всеобъемлющею прозорливостью во все основы военного искусства...»

В своей автобиографии он отмечал: «... что до моих наук, они состоят в математике, части философии, истории; языках – немецком, французском, польском, турецком, с малой частью арабского и персидском и финском... Потомство мое прошу брать мой пример... искать славы через истину и добродетель...»

Это искание сути истины военного дела, военного искусства было смыслом жизни великого полководца во имя России.

Военная практика Суворова, его вклад в военную теорию намного опередил свое время. Он опроверг метафизические взгляды Г. Ллойда, Г. Бюлова, утверждавших, что местность – это единственная книга войны, а математика – универсальный метод тактики и стратегии.

Суворов доказал, в отличие от Жомини, что правила, на которых основывается военное искусство, развиваются, а старые наполняются иным содержанием. Правда, он замечал при этом: «Человеческие мысли различны»¹.

Суворов отмечал, что «он опроверг теорию нынешнего века, преимущественно в недавнее время, победами в Польше и в Италии»². и «никогда не последовал общим правилам и всем сего века...».

Этого же он добился в создании системы «человек – оружие», которую довел, как никто другой до высокой степени совершенства. Им был установлен закон равновесия между огнем и ударом, пулей и штыком, как отмечал в своей работе А.А.Керсновский. Пуля – выразительница огня (вместе с артиллерией). Штык – удара³. И то, и другое способствовало достижению побед в сочетании с мобильностью системы «человек – оружие» с учетом сил неприятеля; местности; времени и действий противоборствующей стороны в той эпохе.

Суворов употреблял выражение «Военная физика». И поскольку он был знаком с законами И.Ньютона, М.В.Ломоносова, то этим выражением пытался утверждать, что в военном искусстве имеются законы, правила, успешно их

¹ А.В.Суворов. Документы. Т. IV. С. 399.

² А.В.Суворов. Документы. Т. IV. С. 400.

развивая, опираясь на достижения естественных наук. Это является самым ярким и сильным доказательством передовых его взглядов в военной теории, где Суворов стоял на стихийных, но материалистических позициях.

Он глубоко изучал современные философские идеи того времени – взгляды Лейбница, Вольфа, Локка, употреблял выражение «молодая философия». Все это позволило Суворову владеть военной диалектикой, хотя Клаузевиц в своей работе «Итальянский поход А.В.Суворова» говорил, об обратном. Но достаточно вспомнить выражение Суворова – «В войне готовься к миру, а в мире готовься к войне: сочиняй армии». Оно говорит о том, что он владел ей на самом высоком уровне того времени.

Суворов был первым полководцем, который военное искусство, военную практику войск рассматривал с точки зрения системы, системного подхода. А диалектика вообще, в том числе военная, имеет смысл и применяется ко всем развивающимся системам в процессе их функционирования и развития.

Неподражаем был Суворов в сути своих афоризмов, которые отражали тонкости и взаимопереходы качества войск, военного искусства, военной деятельности. Многие из них не потеряли своего значения и в современных условиях: «тяжело в учении – легко в походе, легко в учении – тяжело в походе», «командиру необходимо непрерывное образование себя науками», «без светильника истории тактика потемки», «полководец побеждает неприятеля дважды. Сначала в мыслях, а затем в действиях», «надо бить умением, а не числом», «каждый воин должен понимать свой маневр», «знай в чем сила и в чем слабость врага», «в военных действиях следует быстро сообразить – и немедленно же исполнить, чтобы неприятелю не дать времени опомниться», «самым ложным правилом является убеждение, что после поражения врага все закончено, в то время как нужно стремиться к более крупным успехам», «приказы отдавать и донесения чинить кратко, ясно, без малейшего двусмыслия...».

³ См.: Керсновский. Философия войны. М., 1995. С.

В этих афоризмах с гибкой простотой понятий и целей военной практики выражена суть диалектики военной деятельности полководца, мера перехода возможностей войск в действительность чрез оптимальный вариант решения, где определялась цель – средство – результат.

Его современники – Репнин, Салтыков, Каменский презрительно и укоризнено отзывались о Суворове как «натуралисте», не подозревая, что это веление времени в понимании требований военного искусства, военного дела.

Суворов находил недостаточным одно изучение военного искусства для искусного полководца. «Самый ученый человек, если не был одарен свыше гением, как бы он не был сведущ, редко мог дойти до блестящих результатов».

Дюбокаж отмечал, что помнит его фразу, выражающую вполне и с удивительной точностью мнение о своих способностях и способностях некоторых генералов, могущих соперничать с ним: «Каменский, говорил он, – понимает войну, а меня война понимает, что же касается до Салтыкова, ни она его, ни он ее не понимает»¹.

Суворов близко подошел к пониманию что время – есть атрибут бытия, высоко ценя его в военном искусстве, военном деле. И писал: «Время дороже всего... одна минута решает исход баталии, один час – успех кампании, один день – судьбу империй».

Высокий интеллектуальный потенциал Суворова, гибкий и проницательный ум, умение оценить, охватить явление, ситуацию в целом (он обладал предметным мышлением, имея поэтические способности), а затем вычленив в них отдельные стороны, повторяющиеся моменты системы «человек – оружие», позволяли ему рационально в своей полководческой деятельности сочетать опыт прошлый и настоящий.

Как известно, Сократ, а затем Аристотель затрагивали коренной вопрос времени – соотношение между прошлым, настоящим и будущим. Аристотель

¹ См.: В.С.Лопатин. Жизнь Суворова, рассказанная им самим, его современниками. М., 2001. С. 342.

писал, что одна часть этого соотношения уже было и не существует. Другая – в будущем и ее еще нет. В своей работе «Метафизика» он отмечал своеобразный характер существования времени и движения. «Время, – отмечал он, – есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему»¹.

Опираясь на эти положения, Суворов вводит в эти абстрактные понятия содержание военной деятельности, которую он считал важнейшей из всех достоинств воинских². Тем самым, абстрактные понятия «соотношение» между прошлым, настоящим и «число» движения между ними обрели реальное историческое и материальное содержание. Это была гениальная догадка Суворова, которой нельзя не восхищаться.

А если учесть, что он военную деятельность привел в определенную систему, как процесс целенаправленного использования тех или других средств, ведущих к осуществлению реальных целей, то становится понятным, почему Суворов, например, в Итальянском походе писал: «... Полная внезапность, которая нами применяется всюду, будет заключаться в скорости оценок значения времени и натиске»³, то есть законе равновесия между огнем и ударом – пулей и штыком.

Но на войне, в боевых действиях возможно всякое соотношение сил. Поэтому он писал: «На течение военных обстоятельств подлежат скорые преоборонительные правила, настоящее здесь, хотя ж завтра иные: так вертится свет...»⁴.

Постигая основы военного искусства, наполняя их новым содержанием, Суворов всегда руководствовался древнеримским афоризмом, гласящим, что «история есть учитель жизни».

¹

² См.: А.В.Суворов. Документы. Т. IV. С. 115.

³ А.В.Суворов. Документы Т. IV. 1799–1800. С. 115.

⁴ А.В.Суворов. Там же. С. 195.

Он самостоятельно изучал военные походы великих полководцев мира – Македонского, Цезаря, Ганнибала, Петра Великого, Тюрена, Морица Саксонского и др. Это дало ему фундамент развития военного мышления и объективного понимания сути боевых действий в постоянно изменяющейся обстановке; осмысления и суммирования военного опыта, извлечение из него положительных и отрицательных моментов. Делал он это на высшем уровне, как никто другой. Но Суворов никогда слепо не подражал военному опыту прошлого, всегда критически его применял. Примером у Суворова был Ю.Цезарь. В нем ему импонировало, что тот умел понять неприятеля в любое время года и как хотел. В Александре Македонском «великое было то, что он малою силою истребил миллионы персов», – говорил Суворов.

Александр Васильевич отлично знал тонкости военной истории, сильные и слабые стороны полководцев. В Праге в 1799 г. Суворов спросил австрийского генерала Бильгарда: «Отчего Ганнибал после сражения при Каннах не пошел на Рим? Бильгард ответил: «Он хотел дать войскам несколько дней отдыха». «Нет, – сказал Суворов. – Ему помешал Совет Карфагена. Да и всюду, где есть совет и где дипломаты хотят направлять действия генералов будет то же самое».

Суворов приводит любопытный пример с французским полководцем Тюреном. Его сподвижники знали, что он плохо читал карту, и сказали об этом кардиналу Мазарини. Тот решил проверить Тюрена, но Тюрэн разлил стакан воды на карту. За эту находчивость Мазарини оставил его командовать войсками.

Да и себе Суворов давал характеристику в сравнении с полководцами прошлого. Он писал Г.Потемкину: «Наука просветила меня в добродетели; я лгу как эпаминонд, бегаю как Цесарь, постоянен как Тюрэн и прямодушен как Аристид. Не разумся изгибов лести и ласкательств к моим сверстникам, часто не угоден. Не изменил я своего слова ни одному из неприятелей, был щастлив тому, что я повелевал щастьем...».

Суворов прекрасно знал все тонкости и особенности применения оружия, артиллерии и фортификации. Знаком был с сочинениями Вобана, Кугорна, Кюраса, Гнобнера. Знал особенности, сильные стороны всех Европейских крепостей. В «Науке побеждать» он особенно подчеркивал: «Ученье свет, а не ученье тьма... За ученого трех неучей дают; нам мало трех, давай на десять на одного», относя эти требования как к офицерам, так и солдатам.

Совершенствование военного искусства, военное творчество – постоянные спутники Суворова. Это были его плоды, с одной стороны, знаний – результата постижения требований сущности развития военного дела, сражений, боя. А с другой – умелого, гибкого осуществления их в практической деятельности, опираясь на прошлый и современный его опыт. Он мудро и точно понимал, что существовать в прошлом (военный опыт, знания) – значит иметь следствие в настоящем, а существовать в будущем – значит иметь свою причину в настоящем.

Суворов, видимо, понимал, что Ньютону удалось открыть законы движения тел на основе анализа причинно-следственных связей. И потому в своей полководческой деятельности уделял этому огромное внимание. Преемственность прошлого и его интегрирование с современным – были две стезии, к которым он с гениальной прозорливостью всегда обращался в процессе приращения знаний военного искусства.

И прав А.А.Керсновский, когда отмечал: «Наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных... Чисто научное полководчество – без или с очень слабым элементом искусства – можно сравнить с вычислением окружности. Наука дает здесь число «пи», позволяющее производить вычисление с наибольшей точностью, но не дающее средства постичь всю иррациональность круга. Научная «методика» может приближаться к интуиции искусства – сравниться с последней ей не дано – незримая, но осязаемая перегородка будет все время сказываться.

Сальери алгеброй гармонию проверял – и с Моцертом все-таки не сравнился»¹.

Как великий скульптор, мастер военного дела Суворов громил турок, войска буржуазной Франции – армию передового строя того времени. Ему потребовалось почти две недели, чтобы очистить Италию от французских войск. Великий Суворов был единственным в военной истории полководцем, творчество и искусство которого в разгроме неприятеля являлось неприменимым законом и всегда осуществлялось им. Его победы в боях, сражениях не были похожи друг на друга. Он говорил: «удивляй и побеждай», «быстрота и внезапность заменяют число» войск.

Суворов выиграл 63 боя, сражения и не проиграл ни одного, не имея, как правило, превосходства в силах и средствах над своим противником.

В Польше под Столовичами с одной тысячей громил 4 тысячи повстанцев; при Козлудже с 8 тысячами разбил 40-тысячное турецкое войско, в сражении при Рымнике с 25-тысячным войском наголову разбивает 100 тысяч турок. Измаил, с 35-тысячным гарнизоном, штурмует 30-ю тысячами и овладевает им. На реке Тидоне Суворов с 15 тысячами побеждает Моро, имевшего 22 тысячи; в сражении при Требии он с 22 тысячами громит Макдональда, который имел 33 тысячи.

Ни один полководец в мире не мог сказать, похвалиться, что он был непобедим. И конечно, удивляет оценка Наполеоном Суворова. Он сказал: «У него была гениальная душа, но не было такой головы. И вообще он не знал принципов военного искусства». Будем объективны. Это высказывание страдает амбициозностью, логикой несоответствия – душа не может существовать без головы, – грешит против правды и истины. А последняя всегда конкретна и данные финальных результатов сражений говорят сами за себя.

¹ А.А.Кресновский. Философия войны. М., 1995. С. 29.

Но поскольку нас интересует за счет чего и как Суворов добился этих вершин побед, то остановимся на этом, то есть на современности XVIII века.

Его военный гений заключался в умении все привести в целесообразную систему, которая бы отвечала требованиям войны, сражения боя, и всегда способствовала бы опережению неприятеля в каждую единицу времени в действиях будь-то в инициативе, быстроте, натиске и его глубины, гибкости маневра и согласованности усилий войск.

Другими словами, Суворов использовал в свое время, исповедовал следующие принципы боевых действий войск: инициатива, быстрота, натиск, гибкость маневра, согласованность действий войск.

Он писал: «Численность войск должна постоянно проверяться», а удар наносить по самому слабому месту неприятеля. По образному выражению Суворова «быстрота и натиск душа настоящей войны. – Бегущего неприятеля истребляет одно преследование...». Быстроту он считал величайшим достоинством, медлительность за грех, непростительный за вредные последствия», подчеркивая неоспоримую истину, что «от единого иногда мгновения разрешается жребий сражения».

Системное видения боя, сражения, той или другой военной организации, а в ней подготовку боевых, моральных, физических, психологических моментов у солдат – это был теоретический и практический стиль мышления, метод подготовки войск. Этим Суворов отличался от всех других великих полководцев мира. И его любимым выражением было – моя система будь-то «человек – оружие», воспитания и обучения солдат (войск) или система маршей.

А целостность той или другой системы позволяла ему утвердить определенные нормативы действий войск, вносящие порядок; определить важность целей и задач, последовательность их осуществления на базе новых системных отношений; иерархию правил с учетом их многосторонних связей в ходе боевых действий с другими явлениями и факторами; совершенствовать

навыки, умение солдат и порядок их действий, то есть предмет и средства действий.

Определяя боевые порядки сражений, Суворов писал: «... против регулярных войск – линейные, как в прошлой Прусской войне, против иррегулярных, как в прошлой Турецкой. Густые кареи были обременительны, гибче всех полковой карей, но и батальонные; они для крестных огней бьют противника во все стороны насквозь...», соблюдая огонь как артиллерийский, так и мушкетный¹. Против колонн французских войск – Суворов рекомендовал тоже колонны. Последние в сочетании с рассыпным строем Суворов впервые в мировой практике применил под Туртукаем в 1773 г.

Суворов был первым, кто осуществил массовый способ применения штыка в штыковой атаке русской пехоты, которую ни один неприятель не выдерживал. Суворовская ударная тактика была проникнута наступательным духом, взаимодействием егерей, пехоты, конницы и артиллерии. Суворов добился искусного сочетания маневра силами и средствами, огня и штыка, волевого стремления войск уничтожить живую силу неприятеля. Он обучал войска маневрам на любой местности и в любое время года, днем и ночью.

В подготовке войск Суворов впервые в мировой практике осуществлял сквозные (двусторонние) атаки. Войска выстраивались друг против друга на расстоянии, превосходившем дальность картечного выстрела артиллерии, примерно на 300 шагов. Затем одна из линий (в развернутом строе; колонне или каре) переходила в атаку. Противоположная стояла в это время на месте, когда же атакующая сторона бегом приближалась к ней на 30 шагов, последняя также шла в штыковую атаку. Обе линии встречались и первая оставалась на рубеже второй, а вторая – первой. Далее линии поворачивались и сквозная атака повторялась снова.

Суворов практиковал сквозные атаки родов войск: пехоты на пехоту, кавалерии на кавалерию, пехоту на кавалерию. Атаки сопровождалась

холостым ружейным и артиллерийским огнем. В ходе таких атак солдаты отработывали умение искусно владеть оружием (уколы штыком, отбивы, удары прикладом) в любых ситуациях, воспитывалась храбрость, бодрость, мужество, смекалка воина. Одновременно осуществлялась подготовка солдат в моральном и психологическом плане – снижался порог страха, человеческих инстинктов.

Воспитывая уважение у солдат к штыку, штыковой атаке, Суворов не отрицал и важность стрельбы из мушкетов. Он говорил, «пехотные огни открывают победу».

Иногда в литературе новшество Суворова сводили к противопоставлению огня и штыка. Так, М.И.Драгомиров пытался резюмировать суворовское новшество фразой «пуля дура – штык молодец». Это упрощенное, а по сути не верное положение. Суворов же учил: «Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко – пуля обмишуются, штык не обмишуются, пуля дура, штык молодец!..» Иначе говоря, Суворов был против «пустой» пальбы «на-авось» из мушкетов в силу их слабого действительного огня.

В то время штык был более надежным холодным оружием. Отсюда – конец его высказывания выражал не надежность огня лишь при определенных условиях.

Чтобы ускорить победу, Суворов всегда стремился в боевых действиях захватить инициативу. В соответствии с этим быстрота действий частей, соединений была возможна при условии высокой мобильности системы марша, системы походного порядка. Суворов в этом преуспел, и никто не мог с ним сравниться.

Его походный порядок был прообразом боевого в условия любой местности; «дабы тотчас на походе драться, и ежели противники близки, то и кареями; впротчем позводно и по рядам с соблюдением интервалов. Обыкновенно кавалерия внутри линий, пехота ж в голове и хвосте, казаки по

¹ См.: А.В.Суворов. Документы. Т. III. С. 62.

их частям, пушки и легкие обозы сколько возможно с крыл, но взводы и ряды пехоты могли бы ототчас загнуться в кареи»¹.

Подвижность войск Суворова была изумительна и превышала нормы армий других государств в два раза. Она достигалась натренированностью войск, соответствующей организацией марша, отдыха, их питания. Данная в «Науке побеждать» схема походных движений, обеспечивала скорость передвижения войск и сохраняла физические силы солдат на выполнение боевых задач. Суворов отмечал, что «по сей быстроте и люди не устали».

Мобильность войск Суворову нужна была как средство упреждения противника в развертывании войск, как средство тактической и стратегической внезапности и захвата инициативы в бою, сражении. Свидетельство тому блестящие победы при Козлудже, Рымнике, на реке Требии в Италии. Он считал, что «лучшее войско всегда в движении», так как позволяет захватывать и удерживать инициативу.

Все выше сказанное, обуславливало качественное наполнение последующего элемента в системе боевых действий войск – маневра силами и средствами, а по своей сути – способа обеспечения превосходства над неприятелем в конкретном месте и данное время.

Удар и маневр, маневр и удар – два способа действия войск ускорили разгром неприятеля будь-то в бою, сражении в сочетании с непрерывным преследованием, и всегда с большой энергией применялись Суворовым против турок, французских полководцев в Итальянском походе.

Эти два способа разгрома противника подкреплялись Суворовым стремительным и решительным натиском войск. В содержании его он вкладывал и моральный, и психологический фактор – неудержимый порыв Чудо – богатырей вперед; веру в силу своего оружия; чувство войскового коллектива; российский характер упорства; мужества и отваги.

¹ А.В.Суворов. Документы. Т. I. С. 64.

Суворовский натиск войск – ядро его «смелой наступательной тактики» ускорившей развязку боевых действий в его пользу. Суворов говорил, что «у неприятеля те же руки, да русского штыка не знает...». И в этом месте, видимо, уместно будет отметить два высказывания Суворова и Клаузевица, когда тот описывал, анализировал Итальянский поход фельдмаршала.

Указывая на исторический опыт, военной истории в том числе, Суворов утверждал: «Нет ничего совершенного: что в одних не хватает, наполняется от других»¹. Это общее высказывание приемлемо для всех сфер деятельности человечества, но Суворов имел ввиду опыт военного искусства. Вот почему еще в 1796 году он констатирует: «Французы заняли лучшее от нас...»². И далее Суворов резюмирует: (учитывая то, что его просьба о встрече Наполеона на Рейне не решается императрицей) «мы теряем время, карманальцы бьют немцев, от скуки будут бить русских, как немцев».

По действиям французских войск в Северной Италии Суворов понимал, что его принципы внезапность, быстрота, натиск прочно были усвоены ими под руководством Наполеона. Кроме того, в отношении Наполеона Суворов отметил, что им постигнута «наинство натиска». И скорее всего, видимо, это являлось косвенным доказательством того, почему Наполеон отрицал знание Суворовым принципов военного искусства. По-человечески Александра Васильевича необходимо понять, когда он говорил о заимствовании этих принципов. Во-первых, он беспокоился за приоритет русского военного искусства, славу русского оружия. Во-вторых, эти принципы им были обоснованы, выпестованы, проверены военной практикой и не один раз, ибо с войной Суворов «разговаривал» на «ты», отмечая, что и она его понимает, как отмечалось выше.

Серьезный протест следует сказать и знаменитому в последствии Клаузевицу. Он явно болел за приоритет Наполеона в Тулоне в обучении

¹ А.В.Суворов. Документы. Т. IV. С. 409.

² См.: А.В.Суворов. Документы. 1791–1798. Т. III. С. 556.

солдат штыковому бою. В Италии Суворов это делал с австрийскими воинами. И как это представил Клаузевиц – позднее Наполеона. Хотя Суворов обучал солдат этому еще в бытность командования Суздальским полком.

Неповторяемым своеобразием Суворов отличался всегда и даже с детства. По сути это была особенность его характера. Он любил быть первым в военном деле, особенно в военном искусстве, ибо чутко, проникновенно понимал «дыхание» войны и ее требования.

26 июня по старому стилю 1799 г. в Александрии им был отдан приказ «Генералам союзной армии о взаимной информации и немедленном представлении новых сведений о противнике». Поражает употребление им понятия «информация» в конце XVII века, в то время как наука прочно ввела его в свой оборот лишь в XX столетии.

И вполне можно сказать, что Суворов тем самым расширил горизонт человеческого ума, его пределы.

Но это было вовсе не случайно, а закономерно. В Семилетней войне военные действия немецких и русских войск велись в одной немецкой провинции. В Итальянском походе Суворов вел их от Голландии до Северной Италии, то есть несколько сот километров. В этих условиях усилилась потребность в разведанных о составе и действиях неприятеля, чтобы принять соответствующее решение.

В Александрии Суворов остановил свои главные силы, чтобы не дать соединиться армии Макдональда и оставшимися силами разгромленного Моро. Перед Суворовым встала необходимая задача: выяснить оптимальный вариант решения действий своих войск.

Вот почему все сведения о противнике от своих корпусов; отрядов в Итальянском походе, Суворов объединяет в понятие «информация», проявив недюжинные аналитические способности своего полководческого ума, и подлинно творческий синтез, обогащавший не единичное, а всеобщее в понятии «информация» как базу, основу управления войсками. А оно есть не

что иное, как сбор, переработка и передача информации тому или другому объекту, т.е. соответствующим командирам корпусов, отрядов и т.д. в интересах оптимизации использования средств, способов боевых действий.

Понимая сложность получения разведанных о противнике и их крайнюю необходимость, Суворов отдает приказ о взаимной информации и немедленном представлении новых сведений о противнике.

В нем требовалось:

– немедленно доносить главнокомандующему все полученные сведения о противнике, «если это даже предположение». В последнем случае «необходимо прикладывать свое мнение или свои соображения» с выводами о действиях неприятеля на перспективу;

– командирам корпусов и отрядов: Розенбергу, Отту, Краю, Алькаини, тоже Шателеру, Кайму, Вукасовичу, Гандику – усилить взаимную информацию о противнике и «возможно полнее сообщать обо всем друг другу»;

– «подавая сведения о неприятеле, следует всегда указывать фамилии командиров дивизий и приблизительную численность их дивизий..., чтобы иметь возможность более точно и более правильно оценить неприятеля...»;

– «важные сведения, в целях выигрыша времени, должны возможно быстрее посылаться... непосредственно главнокомандующему фельдмаршалу». Одновременно они же посылаются «и подчиненным командирам корпусов и отрядов». Отмечалось, что приказ, впредь точно «должен выполняться всеми командирами корпусов и отрядов¹.

Одновременно Суворов отмечал: «... все, что мне докладывают по бумагам, словесно, до того как бывает принято решение, все должно быть названо точно, без какой-либо возможности толковать двояко; ничего не умалчивать, ни частично, ни полностью...»².

¹ См.: А.В.Суворов. Документы. Т. IV. С. 193–194.

² А.В.Суворов. Документы. Т. IV. С. 98.

Как стратег, Суворов хорошо понимал связь войны и политики задолго до Клаузевица. Как главнокомандующий русско-австрийской армии, он отмечал, что «политическое, входящее в операционное скрыто от меня». Оценивая военную ситуацию в Северной Италии, после разгрома армий маршалов Макдональда и Моро, Суворов отмечал, что Англия добивается военного истощения ее участников и обеспечения себе господствующего положения в Европе, прежде всего, против Франции, которая могла с ней соперничать.

Он писал: «Ни одна нация не выигрывает столько, сколько Англия, от продолжения войны». И действительно при поддержке ее, австрийское правительство составило план перевода войск Суворова в Швейцарию.

Российский император Павел I согласился с ним. 21 июля (1 августа) 1799 г. был подписан рескрипт на имя Суворова с предписанием двигаться в Швейцарию.

В свою очередь, австрийский император предписал Суворову прекратить преследование неприятеля и выступить тоже туда.

Давая оценку своего стратегического положения в Швейцарии, Суворов писал: «Нам потребовалось 15 дней, чтобы очистить Италию, но меня прогнали в Швейцарию, чтобы там уничтожить. Эругерцог при приближении нового русского корпуса [Римского–Корсакова] хотя и располагал армией, на одну треть сильнее русской, все же представил ей удерживать все занятые пункты и хладнокровно ушел, не помышляя о возвращении.

Тогда неприятель, благодаря перевесу в силах, добился блестящих успехов. Я был отрезан и окружен; день и ночь мы били врага и в хвост и в гриву, брали у него пушки, которые бросали в пропасть за неимением транспортов. Враг потерял в 4 раза больше нас. Мы везде проходили с победой и соединились в Куре. Оттуда выступили через Брегену и Линдау к Констанцскому озеру»¹.

¹ А.В.Суворов. Документы. Т. IV. С. 454.

Но как военный мыслитель с большой буквы, Суворов не идеализировал войну. По его словам, правда ее состоит в том, что война налагает «бремя кровопролития» на народы. И отношение к ней у всех одинаковое. Суворов допускал войны только в интересах отечества. Поэтому в случае неизбежной войны он считал «желательным предупредить их».

Словом, решая современные ему проблемы развития военного искусства, Суворов высказал уникальные и гениальные мысли о будущем положении государств Европы и Российской империи.

В широком философском плане Суворов отмечал: «Будущее определяется настоящим», то есть ведущими причинами и следствиями из него. По ним можно высказать перспективу развития европейских дел. Здесь, конечно, присутствует творческая интуиция ранее накопленного военного опыта и оценка проводимой политики основных государств Европы в тот или другой период – это, во-первых. Во-вторых, понимая противоречие в развитии государства, ведущих к историческим переменам. Примечательна в этом плане оценка Суворовым сути революции во Франции: «Всякий, вникнувший в дух революции, был бы преступником, если бы о сем умолчал»¹.

В-третьих, определения военных устремлений Англии, Австрии, России, Пруссии, Швеции и Турции, с одной стороны, а с другой, – отдельно Франции и Англии, как главных соперников на континенте.

В-четвертых, учета реальных военных сил и денежных средств, которые Суворов считал «нервом государства». Он писал, что Англия имеет «подавляющий перевес на море» и большие фунты стерлингов из Индии, за счет их создавала коалиции против Франции из экономически более слабых монархий.

Обладая даром прозорливости Суворов уже в 1796 г. видел возникновение военной угрозы России со стороны Франции. Он связывал ее с

¹ Лопатин. Жизнь Суворова, рассказанная им самим и современниками. М., С. 548.

политикой западноевропейских государств и самой Францией, их корыстных интересов, а в случае военных успехов французов – и союзом с ними.

Из всего этого Суворов сделал вывод: при известных обстоятельствах французская армия может беспрепятственно выйти к границам России. В августе 1796 г., учитывая неизбежность войны Франции с Россией, Суворов предлагал предупредить нападение французов. «Я готов их предварить» – писал он, объясняя это заботой об общем благе в Европе и Отечества. «Пекусь я об общем благе, но паче желаю зло предварить», – писал он.

Фельдмаршал исходил из того, что России легче устранить угрозу пока «турки спят», а Франция не успела еще подчинить себе государства Европы и не достигла Польши. «Когда они будут в Польше, – писал он, – тогда они будут тысяч 200–300. Варшавою дали хлыст в руки прусскому королю, у него тысяч 100. Считите турок... России выходит иметь до полумиллиона; ныне же когда французов искать в немецкой земле надобно, на все сии войны половину сего». Суворов не допускал потери времени в этом вопросе.

История полностью подтвердила, что гениальный полководец – стратег Суворов был на сто процентов прав. Ибо Австрия без России не могла противостоять буржуазной Франции, за ней, отмечал он, последует и Пруссия. Полководец предупреждал, что «замирение» Франции с Австрией приведет к нападению на Россию в союзе с Австрией и Пруссией. Суворов указал и путь этого нашествия французской армии «... 1-й пункт – Рига, 2-й – Киев, себе Смоленск... тогда россиян в поле 300000». Это было гениальное предсказание нападения Наполеона на Россию.

Александр Васильевич не только предсказал за 16 лет вперед поход Наполеона в Россию, но и судьбу государств Европы.

После похода Суворова в Швейцарию, он отмечал, что Бог наказал его, не дав встретиться с Наполеоном. «Я бил французов, – писал он, – но не добил. Париж мой пункт, – беда Европе»¹.

Об этой угрозе Европе Суворов писал дважды. Сначала, когда Наполеон в 1796–1797 гг. действовал в Италии, отметив, что «далеко шагает, пора унять молодца!».

Суворов один из первых указал на поднимающуюся грозную тучу, которой суждено было так долго греметь над Европой и поражать ее молниями», – писал академик Е.В.Тарле¹.

Разгромив наполеоновских маршалов Моро и Мокданальда в Италии в 1799 г., Суворов на время отодвинул угрозу Европе. Но противодействующая воля и политика не желания Австрией, Англией – окончательно разбить французские войска – сделали свое дело. Суворову не дали войти в Париж победителем.

Полководец это великолепно понимал. Он писал: Австрия «поворотя свои земли, имея область Венеции, приобрела Пиамонт и Романию» достигла свои интересы и цели. Англия же безусловно стремилась изнурить «воюющие державы пака Франции, и хотя бы тогда дать ей паки короля! Вот система Лондона и Вены»². И далее отмечал: «Любезные герои «госдема» [англичане] воюют для корыстей; они как вечно целы на их природных островах»³.

И те и другие были не заинтересованы решительно в победе. Суворов же исповедовал решительные и быстрые победы с малой кровью. В итоге его отправили в Швейцарию, чтобы загнать в мышеловку.

¹ Лопатин. Жизнь Суворова, рассказанная им и современниками. М., С. 548.

¹ Е.В.Тарле. Наполеон. М., 1957. С. 35.

² А.В.Суворов. Документы. Т. IV. С. 446.

³ Там же.

В то же время Суворов знал, что Наполеон еще в Итальянской кампании в воззвании к войскам говорил: «Солдаты, вы не одеты, вы плохо накормлены... Я хочу повести вас в самые плодородные страны в свете»⁴.

Вот почему Суворов и писал о беде Европе, учитывая имперские амбиции Наполеона, и не желания Австрии и Англии дело довести до конца. Если же на это предупреждение Суворова посмотреть ретроспективно, то оно полностью подтвердилось.

14 июня 1800 г. Наполеон разгромил австрийского генерала Меласа в местечке Маренго. Италия снова была потеряна австрийцами, а заключив Лювельинский мир Наполеон получил все что хотел: отторжение всей Бельгии, все германские владения на левом берегу Рейна становились французскими владениями.

Осенью 1802 г. Наполеон объявил Швейцарии, что необходимо ввести новое государственное правление и правительство поставить «дружественное Франции». И Швейцария смиренно покорилась. В это же время Наполеон объявил королевство Пьемонт присоединенным к Франции, затем Геную и Лукку.

Англия создает третью коалицию. Наполеон последовательно побеждает австрийского генерала Мака в Ульме, русские войска в Аустерлицком сражении. Третья коалиция как союз распадается.

В 1806 г. Наполеон создает Рейнейский союз. В него вошли Бавария, Вюстенберг, Регенсбург, Баден, Берг, Гессен-Дармштадт, Нассау и восемь германских княжеств. Союз «избрал» Наполеона своим протектором по его предложению.

В 1806–1807 гг. Наполеон разгромил Пруссию и окончательно подчинил себе Германию. Его войска добились побед при Пене, Ауэрш-Тедте. Капитулировали также крепости – Кюстрин, Магдебург. Пруссия как

⁴ Е.В.Тарле. Наполеон. М., 1957. С. 37.

европейская держава была подчинена Наполеону. В результате вся континентальная Европа оказалась в его руках¹.

Сбылось пророческое предсказание А.В.Суворова и в отношении Наполеона. 27 октября 1796 г. в письме А.И.Горчакову он писал: «Вот мое заключение: пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа он будет победителем; великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет»¹.

Суворов гордился принадлежностью к русской нации, всегда говорил солдатам: «Вы богатыри, неприятель от вас дрожит. Вы – русские!». Как сын Отечества, веривший в духовные ее начала, Суворов пророчески писал: «Тщетно двинется на Россию вся Европа. Она найдет здесь Фермопилы, Леонида и свой гроб». И это суворовское предвидение сбылось в истории Отечества и не один раз.

Достаточно вспомнить Отечественную войну 1812 г. против Наполеона, где он потерпел сокрушительное поражение, Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., то есть около двух веков это пророчество Суворова о власти и гармонии русского духа было справедливым и точным.

Если посмотреть на нынешнюю геостратегическую и геополитическую ситуацию России, когда она находится по сути в геостратегическом мешке, вряд ли суворовское пророчество (само собой, *ред.*) сбудется. Требуются соответствующие альтернативные действия ползущим движениям НАТО.

¹ См.: Е.В.Тарле. Наполеон. С. 103–238.

¹ В.С.Лопатин. Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. М., 2001. С. 415.